

Охота на женщину в цикле поэм о Дитрихе Бернском и поездки Теодориха Великого в ад

Алёна В. Хохлова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, al.v.hohlova@gmail.com*

Аннотация. Фигуру Дитриха Бернского и его исторического прототипа, остготского короля Италии Теодориха Великого, в Средневековье часто связывали с дикой охотой, кавалькадой мертвецов, вышедшей из германского фольклора. Одной из вариаций мотива дикой охоты является преследование женщины: грешницы, блудницы или лесной феи/нимфы. В трех поэмах из обширного цикла о Дитрихе Бернском встречается мотив преследования женщины чудовищным великаном/язычником, который, на первый взгляд, кажется связанным с представлениями о Теодорихе/Дитрихе как о Диком Охотнике. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что устные сказания о Теодорихе, который подобно дикому человеку преследует нимф в тирольских лесах, и сказания о его поездке в ад на черном дьявольском коне в эпической традиции были разнесены и маловероятно связаны друг с другом.

Ключевые слова: Дитрих Бернский, Теодорих Великий, дикая охота, немецкий героический эпос

Для цитирования: Хохлова А.В. Охота на женщину в цикле поэм о Дитрихе Бернском и поездки Теодориха Великого в ад // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 3. С. 200–213. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-200-213

Hunting a woman in the Dietrich of Bern cycle and Theodoric the Great's ride to hell

Alyona V. Khokhlova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, al.v.hohlova@gmail.com*

Abstract. The figure of Dietrich of Bern and his historical prototype, the Ostrogothic king of Italy Theodoric the Great, was often associated in the Middle Ages with the Wild Hunt, a cavalcade of the dead that emerged from

Germanic folklore. One variation of the Wild Hunt motif is the pursuit of a woman – a sinner, a prostitute, or a wood-spirit and a fairy. Three poems from the extensive Dietrich of Bern cycle feature the motif of a woman being pursued by a monstrous giant or pagan, which at first glance seems clearly connected to the representation of Theodoric/Dietrich as the Wild Huntsman. However, closer analysis reveals that the oral tales of Theodoric, who, like a wild man, pursues nymphs through the Tyrolean forests, and the tales of his ride to hell on a black devil's steed were distinct and unrelated in the epic tradition.

Keywords: Dietrich von Bern, Theodoric the Great, wild hunt, German heroic epic

For citation: Khokhlova, A.V. (2026), "Hunting a woman in the Dietrich of Bern cycle and Theodoric the Great's ride to hell", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, pp. 200–213, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-200-213

В XII–XVI вв. на немецком языке складывается обширный цикл поэм о Дитрихе Бернском, прототипом которого выступил остготский король Теодорих Великий, правивший Италией с 493 по 526 г. Крупнейшие из сохранившихся поэм традиционно разделяют на два подцикла: к историческому [поэмы «Побег Дитриха» (*Dietrichs Flucht*, конец XIII в.), «Воронья битва» (*Rabenschlacht*, XIII в.), «Смерть Альфарта» (*Alpharts Tod*, ок. 1245–1300) и «Дитрих и Венецлан» (*Dietrich und Wenezlan*, XIII в.)] относятся произведения, описывающие события эпохи правления Теодориха Великого, тогда как в поэмах авантюрного или сказочного подцикла [«Эккенлид» (*Eckenlied*, ок. 1230), «Зигенот» (*Sigenot*, вторая половина XIII в.), «Лаурин» (*Laurin*, ок. 1170–1250), «Голдемар» (*Goldemar*, ок. 1230), «Виргиналь» (*Virginal*, вторая половина XIII в.), «Битерольф и Дитлиб» (*Biterolf und Dietlieb*, ок. 1260), «Розенгартен» (*Der Rosengarten zu Worms*, ок. 1300), «Вундерер» (*Wunderer*, ок. 1300 или ок. 1490)] среди героев фигурируют великаны и карлики, по содержанию эти произведения фантастичны и, поскольку они создавались в период расцвета придворной культуры, могут приближаться к куртуазному роману [Heinze 1999, S. 30]. Также Дитрих Бернский выступает одним из второстепенных персонажей «Песни о нибелунгах».

Фигура Теодориха Великого еще при жизни обросла легендами. Король-арианин вызывал недовольство у тех своих подданных, которые придерживались учения ортодоксальной Церкви, поэтому и его смерть стала источником слухов и домыслов.

Предполагается, что первым, кто описал падение Теодориха в ад, был Григорий I Великий: в своих «Диалогах» он пишет, что папа Иоанн и Симмах сбросили Теодориха, раздетого, разутого и связанного, в жерло вулкана¹. Между тем фольклор сохранил еще одну версию гибели Теодориха, согласно которой во время купания король заметил во дворе своего дворца оленя и решил немедленно отправиться в погоню. Едва накинув банный халат, Теодорих вскочил на черного жеребца, оказавшегося рядом, и тот тут же сорвался с места – больше короля никто и никогда не видел. Принято считать, что одно из наиболее ранних свидетельств бытования этого сюжета встречается на барельефе базилики Сан-Дзено Маджоре в Вероне (ок. 1140 г.), его сопровождает надпись на латинском языке: *o regem stultum petit infernale tributum moxque paratur equus quem misit demon iniquus exit aquam nudus petit infera non rediturus*².

Впрочем, есть мнение, что легенда о черном коне могла появиться в противовес истории с вулканом, чтобы показать, что у души Теодориха/Дитриха оставался шанс на спасение [Goltz 2008, p. 405]. Так, сюжет о купании и черном коне был зафиксирован в «Саре о Тидреке Бернском» – норвежской компиляции германских легенд второй половины XIII в.: в ней точно так же Тидрек замечает оленя и запрыгивает на черного, возникшего из ниоткуда скакуна. В сопровождении других охотников он начинает погоню и быстро понимает, что едет верхом на самом дьяволе. Прежде чем исчезнуть навсегда, Тидрек успевает обратиться к деве Марии, что дарит надежду на спасение его души³. Этот сюжет напоминает о средневековых легендах о дикой охоте – кавалькаде призраков, которые в ненастные ночи отправлялись охотиться на души грешников, а указатель фольклорных мотивов С. Томпсона напрямую связывает фигуру Теодориха с дикой охотой: находим в нем мотив E501.1.7.2. Theodoric as wild huntsman.

Обыкновенно происхождение легенд о дикой охоте в Средневековье возводят к западноевропейским германским сказаниям о воинстве эйнхериев, которые под предводительством Одина/Вотана устраивали сражения в ночных небесах [Зубарева 2016,

¹ Григорий Двоеслов. Диалоги; Собеседования о жизни Италийских отцов и о бессмертии души. М.: Сибирская Благовозвонница, 2012. С. 175.

² Цит. по: *Gschwantler O. Zeugnisse zur Dietrichsage in der Historiographie von 1100 bis gegen 1350 // Heldensage und Heldendichtung im Germanischen / Hrsg. von H. Beck. Berlin, N.Y.: de Gruyter, 1988. S. 74.*

³ Сара о Тидреке из Берна / пер. Т. Ермолаева. URL: <http://norroen.info/src/forn/thidrek/aevilok.html> (дата обращения: 10.02.2026).

с. 100], однако похожие мотивы можно встретить и в кельтском, и западнославянском фольклоре. Предводителем дикой охоты мог быть Один/Водан/Вотан, германские богини (Хольда, Брехта, Фригг или Фрейя) или христианские святые (святой Николай, святая Лучия и др.), народные герои и реальные исторические личности (король Артур, Карл Великий, Фридрих I Барбаросса и др.), также Дикий Охотник мог развезжать по земле без свиты, в сопровождении одних охотничьих псов (Гвин ап Нудд). Самыми известными средневековыми источниками, сохранившими сведения о встрече обывателя с «дикой охотой», являются «Церковная история» Ордерика Виталия, в которой представлено свидетельство пресвитера Валхелина о встрече со свитой Эрлехина (или Эллекена), и «Забавы придворных» Вальтера Мапа, в которых рассказывается о короле Герле (или Херле)⁴. Описание дьявольской охоты встречается и в «Божественной комедии» Данте: когда герои прибывают в лес, в котором страдают обращенные в деревья самоубийцы, они видят, как по этому лесу адские гончие гоняют души игроков и мотов (Ад. Песня XIII, vv. 111–129). Ж. Ле Гофф описывает постепенную трансформацию, которую претерпевает свита Эрлехина/Эллекена, превращаясь из кочующей кавалькады мертвых грешников, подгоняемых адскими всадниками, в оседлое Чистилище⁵.

Тот же указатель С. Томпсона в списке связанных с дикой охотой мотивов выделяет следующие: E501.5.1. Дикая охота преследует женщину: Обнаженную женщину преследуют два всадника, Блудницу преследует дикая охота; Ведьм преследует дикая охота. Похожий мотив встречается, например, в «Декамероне» Боккаччо (Decameron, 1348–1351): в новелле V, 8 совершивший самоубийство рыцарь и его жестокая возлюбленная вынуждены провести посмертие в состоянии бесконечной погони; при этом жестокая девушка в «Декамероне» не только повинна в своей несчастной судьбе (из-за того, что обрадовалась смерти рыцаря), но и служит страшным примером для прочих девушек в Равенне, которые решат отвергнуть ухаживания своего возлюбленного [Olson 2014, pp. 173–176; Kamber 1967, p. 61].

Немецкие поэмы о Дитрихе Бернском не зафиксировали сюжет о его поездке в ад на черном коне (хотя в «Вундерере» можно найти его отголосок: упоминается, что в конце жизни дьявольский

⁴ *Вальтер Map. Забавы придворных* / подгот. Р.Л. Шмараков, отв. ред. О.С. Воскобойников. СПб.: Наука, 2020. С. 18–20, 201–214.

⁵ *Ле Гофф Ж. Свита Эллекена* // Ж. ле Гофф. Герои и чудеса Средних веков / пер. с фр. Д. Савосина. М.: Текст, 2022. С. 156–165.

конь увез Дитриха в пустыню, где он вынужден будет сражаться с драконами до наступления Судного дня, – Wunderer, p. 129–130), да и в целом в них Дитриху приходится охотиться нечасто: его добычей в таком случае становятся привычные для эпической литературы Средневековья животные (олениха в поэме «Зигенот», кабан и олень в «Виргинале»). Эта охота не выводит его в пространство Иного мира, как это происходило в рассмотренной легенде о смерти Теодориха или могло бы произойти в произведениях куртуазной литературы. Вместе с тем в трех поэмах из авантюрно-сказочного подцикла (в «Эккенлид», «Виргинале» и «Вундерере») встречается мотив преследования женщины чудовищным охотником, и в этих поэмах Дитрих и его наставник Хильдебранд выступают спасителями беглянок. Подобное пересечение сразу же вызывает вопрос: могли ли сказания о поездке Теодориха в ад повлиять на появление мотива охоты на женщину в немецких поэмах?

Важным кажется подчеркнуть, что мы рассматриваем именно охоту на *женщину*. В мифологии, фольклоре, а затем и в литературной традиции женщины неоднократно выступали в качестве добычи – буквальной или метафорической – мужчины-охотника, а добывание жены (в том числе и на охоте) – едва ли не древнейший мифологический и фольклорный мотив, легший в основу многих архаических памятников. В то же самое время не совсем равнозначная добыванию жены на охоте любовная погоня была хорошо известна средневековому читателю/слушателю по произведениям Овидия⁶, а также похожий мотив появлялся в бретонских лэ, а затем в романах на бретонские сюжеты, в которых, отправляясь на охоту на чудесного зверя (белого оленя, кабана или лань), вместо охотничьей добычи рыцарь обретал возлюбленную [Хохлова 2025, с. 125–126]⁷. Куртуазная литература впитала мотив любовной погони и поставила его себе на службу; для эпической литературы, однако, он оставался чуж-

⁶ Миф о любви Аполлона к Дафне был описан в книге 1 «Метаморфоз» (*Metamorphoses*, 2–8 гг. н. э.), в трактате «Искусство любви» (*Ars Amatoria*, ок. 2 г. н. э.) мужчина сопоставлялся с охотником и рыбаком, а женщина – с его добычей (vv. 45–50).

⁷ Например: в «Лэ о Граэленте» (Graelent, XIII в.), «Лэ о Гингаморе» (Guingamor, XII–XIII вв.) встречается погоня за чудесным животным-проводником (оленем, ланью, кабаном), которое исчезает из повествования в тот момент, когда рыцарь встречает фею: это не буквальная охота на женщину, однако рыцарь получает любовь прекрасной феи в качестве охотничьей «добычи».

дым, и его появление довольно ярко сигнализирует о влиянии на текст куртуазной традиции⁸, от чего даже жанровая природа произведения может подвергаться сомнению [Wright 2008, pp. 16, 126]. Д.Л. Флуд, например, отмечал, что преследование девушки (погоня за девушкой) – тема куртуазной литературы, и в сценах охоты на человека в поэмах о Дитрихе Бернском можно обнаружить следы и фольклорной, и эпической, и куртуазной традиций⁹, хотя при постановке проблемы исследователь говорит в широком смысле об охоте на *человека*, что кажется не совсем верным для рассматриваемых поэм.

Более того, если внимательнее взглянуть на германскую традицию, то окажется, что любовная погоня проникала сюда неохотно. До знаменитой любовной аллегории Гадамера фон Лабера (Die Minnejagd, ок. 1330–1355) почти все примеры любовной погони в немецкой литературе являются следствием заимствования этого мотива из французских источников [Хохлова 2025, с. 188]; а охота на женщину в трех поэмах из цикла о Дитрихе Бернском, в отличие от куртуазных образцов, представляет буквальную травлю спасающейся бегством от охотника и своры его псов девушки. Эксплицитно эротические коннотации этой охоты проявляются лишь в самой поздней из поэм – «Вундерере».

Рассмотрим сцены охоты на женщину в обозначенных произведениях внимательнее. Самой ранней из поэм, вероятно, является «Эккенлид», чьей письменной версии должна была предшествовать долгая народная традиция, некое устное «сказание об Экке», отголоски которого обнаруживаются в соответствующей пряди «Саги о Тидреке Бернском» [Heinzle 1999, SS. 119–120]. Дитрих, получивший тяжелые раны в сражении с великаном Экке, блуждает по лесу и – в одной из сохранившихся редакций поэмы – встречает королеву Бабехильт (151,3–13). Та предсказывает ему встречу с некой госпожой Саелде (*saelede*, «удача» на средневерхненемецком), и вскоре в отдалении раздается женский крик. Дитрих отправляется на подмогу девушке, которую, подобно дикому зверю, травит с охотничьими псами властитель местных лесов великан Фасольд, брат сраженного Дитрихом Экке:

⁸ Он появляется, например, в «Берте Большеногой» Адена ле Руа (Berte aus grans pies, ок. 1270) и в «Элиокса» (Elioxe, вторая половина XIII в.).

⁹ Flood J.L. Dietrich von Bern and the human hunt // Nottingham Medieval Studies. 1973. Vol. 17. P. 40.

Sus jagte si der küene man.
 diu magt rief den Berner an
 „ner mich in dirre wilde!
 und wurt dir got ie vor genant,
 so tuo mir dine helf erkant!
 ich bins, ain gottesbilde.
 mich jagt des landes herre wert
 mit sinen laithunden.
 min herze an dich helfe begert,
 sit ich dich hie han funden“.
 (Eckenlied, vv. 162,1–10)

На нее охотился смелый муж.
 Дева позвала (Дитриха) Бернского:
 «Спаси меня из этого дикого леса!
 Если ты боишься Бога,
 помоги мне!
 Я творение Божье,
 За мной с гончими псами
 охотится властелин этих земель.
 Мое сердце вызывает к тебе о помощи,
 раз я тебя нашла!»

Если Экке пугал жителей Берна своим inferнальным обликом и горящими пламенем глазами, то его брат, великан Фасольд, предстает перед читателем/слушателем в более человеческом облике: из необычных деталей его внешности выделяются чрезвычайно длинные волосы (vv. 166,2–4) и дубина (vv. 184,1–3), которую он использует вместо оружия. Сам Дитрих отмечает, что поведение Фасольда должно подвергнуться осуждению: «Не может зваться рыцарем тот, кто охотится на женщин» (*in hort von ritter nie mer, das man vrouwen jagen solde*, vv. 173,7–8). Из-за того, что в образе великана обнаруживаются гротескные черты куртуазного рыцаря, В. Милле предлагал рассматривать «Эккенлид» как критику модели куртуазного романа [Millet 2008, p. 348].

Вместе с тем и сама девушка, на которую ведется охота, возможно, не принадлежит к человеческому роду или, по крайней мере, цивилизованному обществу: она знает силу трав и помогает Дитриху окончательно оправиться от ран. Кроме того, ее называют «дикой девушкой» (*daz wilde vrouwelin*, v. 172,7). С.Ю. Неклюдов пишет о «диких людях» в европейской фольклорной традиции Средневековья: для их обозначения используют словосочетания “wilder Mann”, “wildes Mannl”, “wildes Fräulein”, “wildes Weib”, “wilde Frau”, и они тесным образом оказываются связаны с пространством леса [Неклюдов 2024, с. 76], и кажется, что наша «дикая девушка» должна принадлежать к этой же категории духов, однако, кроме знания трав и собственно того, что она живет в лесу, никаких иных характерных для диких людей признаков (уродство, гигантский рост, волосатое тело, огромные груди и т. д.) в ее облике нет, она называет себя «божьим созданием» и апеллирует к Богу, умоляя о спасении. Кроме того, дикая девушка обвиняет Фасольда в том, что он «лишил <ее> благородной жизни, низведя до дикарки» (*mîn hôhez leben von wilder art hât er gemachet nider*, vv. 171,7–8) – эпитет “hôhez” может намекать на ее благородное происхождение. Причина, по которой

Фасольд охотится на дикую девушку, остается неясна, сама беглянка сообщает, что ей неизвестно, почему великан преследует ее (*herr, ich entweiz durch was er mir sô dicke lâget*, vv. 171,5–6).

Из-за того, что в одной из редакций поэмы упоминается фрау Саелде, чье имя созвучно с зелигенами (“Saligen”, “Saigfrauen”, “Salaweiber”), прекрасными лесными духами из тирольского фольклора, напоминающими лесных фей, дикую девушку пытались соотнести с этими существами. В фольклоре на них может охотиться дикий человек, желающий съесть¹⁰; а в итальянских хрониках встречаются упоминания о том, как Теодорих/Дитрих на черном коне охотится на лесных женщин¹¹. Кроме того, Й. Хайнцле отмечает, что и в XIV в. существовало представление о том, что Теодорих верхом на черном коне охотится в лесах на нимф [Heinzle 1999, S. 192].

Не вполне ясно, является ли дикая девушка в «Эккенлид» той самой госпожой Саелде, встречу с которой предсказывает Дитриху Бабехильт, однако само появление этого имени в одной из редакций, а также тот факт, что в «Саге о Тидреке Бернском» нет мотива охоты на женщину (Фасольд встречает Тидрека в лесу случайно и сначала принимает его за Экке, в доспехи которого облачился герой), позволяет предположить, что на самом деле вся эта сцена не имеет прямого отношения к тирольскому фольклору и является поздней интерполяцией, призванной связать «Эккенлид» (одну из самых ранних поэм цикла) с «Вундерером» (одной из самых поздних поэм цикла), в которой чудовищный великан охотится на женщину по имени фрау Селде¹². Однако стоит учитывать, что самая ранняя версия «Эккенлид», содержащая этот мотив, старше любой сохранившейся версии «Вундерера».

Точная датировка самого «Вундерера», впрочем, вызывает вопросы: ранее принято было считать, что первоначальная версия текста была создана в конце XIII – начале XIV в.¹³, но современные исследования относят дату его создания к концу XV в. [Millet 2008, p. 464]. «Вундерера» принято рассматривать как эпическую поэму, которая, несмотря на свое позднее происхождение, продолжает функционировать по правилам героического эпоса, пусть и более «приключенческого», «куртуазного», чем прочие поэмы о Дитрихе

¹⁰ Zaurnet P. Deutsche Natursagen. Jena: Eugen Diederichs, 1921. S. 71.

¹¹ Gschwantler O. Op. cit. P. 76.

¹² Flood J.L. Op. cit. P. 19.

¹³ Й. Хайнцле и вовсе отмечал, что установить время и место написания изначальной версии «Вундерера» не представляется возможным [Heinzle 1999, S. 191].

Бернском [Wisniewski 1986, p. 231]. В отличие от «Эккенлид» и «Виргиналя», к которому мы обратимся позднее, здесь мотив преследования женщины чудовищным охотником является сюжетообразующим. Ко двору Этцеля (он описывается равным двору короля Артура, а Этцель предстает в виде идеального куртуазного правителя) прибывает девушка, которая просит защиты у короля, потому что за ней с гончими псами охотится великан по имени Вундерер (его имя можно перевести как «Чудовище»):

ich byn geflogen sere
ee ich bynn kommen reyn.
er heisst mit seynem name

der wilde wunderer.
wolt mich zerrissen hane

<..>

nyergant kan ich bleiben
vor den hunden seyn.

(Wunderer, 32,3–33,3)

hett mich mit seinen hunden
gejagt drey ganze jar

(Wunderer, 64,3–6)

Я была в бегах
До того, как приехать сюда.
Его <моего преследователя> имя –
дикий Вундерер.
Он хочет разорвать меня на части

<...>

Нигде я не могу скрыться
от его псов.

Он (Вундерер) со своими псами
охотится на меня целых три года.

Дева отвергла любовь чудовищного великана и приняла обет целомудрия, из-за чего Вундерер впал в ярость и решил съесть ее, чтобы никто больше не мог рассчитывать на ее любовь. Этцель не сразу внимлет мольбе девушки и отказывается поднимать подвесные мосты и закрывать ворота, поэтому, когда Вундерер появляется перед замком, перепуганные его чудовищным обликом слуги не успевают это сделать:

Vnd blyeß vß zornes grymme
seiner hund der kommen vil
mit grausamlicher stymme
was des horneß gyll
er eylet zu dem graben
die bruck die was geleit
sie woltentz vff gzogen haben
zu kurtz was in die zeit

(Wunderer, 108,1–8)

Он пришел в ужасную ярость и призвал много своих псов звуком ужасного рога. Он бросился ко рву, мост все еще был опущен. Они хотели ее поднять, но времени не хватило.

Облик Вундерера вселяет в людей Этцеля страх, сам Этцель сравнивает его с дьяволом (v. 111,2), и его появление при дворе

сопровождается звуками рога и ужасным лаем его охотничьих псов (v. 80,3–4). Из всех людей Этцеля только у Дитриха оказывается достаточно смелости, чтобы встать на защиту девушки и вызвать великана на бой. Когда великан сражен, выясняется, что имя девушки, которую он преследовал на протяжении трех лет, – фрау Селде (208,1), и она является персонафикацией удачи и благополучия.

В отличие от «Эккенлид», в «Вундерере» четко обозначена причина, по которой великан охотится на фрау Селде: мотив отвергнутой любви, несомненно, придает поэме более куртуазную окраску. В уже упомянутой новелле из «Декамерона» всадник нагоняет отвергшую его возлюбленную, вырезает из ее груди сердце и скормливает псам, после чего погоня возобновляется; все это представлено как наказание жестокой девушки, которая должна была быть благосклоннее к своему поклоннику. В «Вундерере» великан сам по себе является каннибалом, желающим съесть фрау Селде, а ее отказ принять его любовь и обет целомудрия не воспринимаются как нечто, требующее наказания – напротив, это жестокий Вундерер получает по заслугам за травлю, которой он подверг девушку. Й. Хайнцле считал попытки возвести мотив охоты на женщину в «Вундерере» к тирольскому фольклору и охоте дикого человека на зелигенов переусложнением; по его мнению, фрау Селде здесь – популярное в куртуазной литературе воплощение Фортуны [Heinzle 1999, S. p. 192].

Наконец, третья поэма, в которой встречается мотив охоты на женщину – «Виргиналь» – сложилась в промежутке между уже рассмотренными поэмами и сохранилась в трех полнотекстовых рукописях разного объема. Самой полной версией считается гейдельбергский «Виргиналь» (ок. 1440); дрезденский «Виргиналь» (ок. 1472) представляет собой самостоятельную сокращенную версию сюжета, а венский «Виргиналь» (ок. 1480–1490) – смешение текстов гейдельбергской и дрезденской рукописей [Heinzle 1999, S. 137], и само произведение, вероятно, создавалось под влиянием Конрада Вюрцбургского [Wisniewski 1986, p. 193]. Поэма повествует о первых подвигах юного Дитриха, поэтому в начале произведения встать на защиту спасающейся бегством девушки и вступить в сражение с язычником Оркисом приходится наставнику Дитриха, Хильдебранду (Virginal, 22–71)¹⁴.

В «Виргинале» девушку преследует не великан и не чудовище, а язычник (*heiden*), а сама девушка, в отличие от «дикой девушки» в «Эккенлид» и фрау Сельде в «Вундерере», кажется вполне ordinарной: она должна стать данью языческому королю, единственной

¹⁴ Номера строф указаны по гейдельбергскому «Виргиналю».

ее особенностью можно считать то, что она придворная дама королевы Виргиналь (ее имя используют для обозначения названия поэмы), чье королевство располагается под горой, т. е. в Ином мире. Имя язычника, охотящегося на девушку, пытались связать с еще одним представителем тирольского фольклора – орком, хотя такая трактовка и не получила однозначной поддержки [Heinzle 1999, S. 140]. Его описание не лишено куртуазных элементов: он вооружен копьем, щитом и едет верхом на коне, как и положено рыцарю (Virginal, 31,9–13; 43,2–5).

Если мы выстроим поэмы в (предположительно) хронологическом порядке, то станет очевидно, что «дикая девушка» из «Эккенлид» – поэмы, по всей видимости, долгое время бытовавшей в устной среде, – сохраняет наиболее яркие фольклорные черты; вероятно, в ранних версиях сказания дикая девушка в самом деле могла быть зелигеном, «белой дамой» или иным лесным духом, напоминающим нимфу или фею – она и напоминает фею из бретонских лэ, в которых любовная погоня рыцаря постепенно «облагораживалась» под влиянием куртуазной культуры. Даже если в эпизоде охоты на женщину в «Эккенлид» и есть более поздние интерполяции, представляется, что в основе своей он оперирует более архаичным, не подвергшимся куртуазной обработке или намеренно очищенным от куртуазного влияния фольклорным мотивом. В свою очередь, девушка в «Виргинале» представляется более классической придворной дамой, а в «Вундерере», по всей видимости, имеет место контаминация популярного фольклорного сюжета и не менее популярного в куртуазной литературе образа преследуемой Фортуны – из трех девушек фрау Сельде больше всего напоминает прекрасную даму, поэтому попытки связать ее с персонажами тирольского фольклора представляются несостоятельными.

Что касается преследователя, то можно было бы предположить, что черты дикого охотника, в образе которого в фольклоре выступал Теодорих/Дитрих, в эпических поэмах были перенесены на великанов и язычников, с которыми герою приходилось вступить в бой, чтобы спасти несправедливо преследуемую девушку. Между тем ни в одной из поэм из цикла охота великана/еретика на женщину не сопрягается с тематикой наказания, тогда как в большинстве известных письменных источников, фиксирующих вариации мотива дикой охоты, так или иначе появляется эта тема: либо сам охотник вынужден провести вечность в бесконечной погоне за совершенным им грех, либо жертва охотника/охоты в качестве наказания должна спастись бегством от адской своры до наступления Судного дня. С этим связан и потусторонний харак-

тер охоты, участники которой, как правило, мертвы или находятся в пограничном состоянии между мирами живых и мертвых, и спасение для них не является доступной опцией, что также не нашло отражения в поэмах о Дитрихе Бернском.

Существующие сказания о смерти и посмертии Теодориха Великого, призванные изначально выразить мнение представителей ортодоксальной Церкви о короле-арианине, активно бытовали в устной народной среде. Позднее поэмы о Дитрихе Бернском, также вышедшие из устной среды, трансформировались под влиянием куртуазной культуры, которого не могли избежать произведения, исполняющиеся при куртуазных дворах. Охота на женщину в них не приобретает мотива наказания за совершенный грех, также в них не актуализируется и мотив перехода героя в Иной/загробный мир. Это позволяет сделать вывод, несмотря на то что и смерть Теодориха, и охота на женщину в поэмах о Дитрихе Бернском связаны со средневековыми фольклорными представлениями о дикой охоте, эти сюжеты, взяв за основу разные фольклорные мотивы, развивались независимо друг от друга.

Источники

- Eckenlied – Das Eckenlied. Sämtliche Fassungen. Teil 1 / Hrsg. von F.B. Brévard. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1999. xxxiv+108 S. (Altdeutsche Textbibliothek; Bd. 111)
- Virginal – Virginal. Goldemar / Hrsg. von E. Lienert, E. Pontini, K. Schmacher. Göttingen: De Gruyter, 2017. 869 S. (Texte und Studien zur mittelhochdeutschen Heldenepik; Bd. 10)
- Wunderer – Wunderer / Hrsg. von F. Kragl. Erlangen: Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, 2015. 130 S.

Литература

- Зубарева 2016 – *Зубарева Е.Ю.* «Неистовое войско» (“Das wütende Heer”) или «Дикая охота» (“Die wilde Jagd”) в структуре традиционных мифологических представлений германских народов // Stephanos. 2016. № 3 (17). С. 99–118.
- Неклюдов 2024 – *Неклюдов Ю.С.* Опыт сравнительной демонологии: «дикие люди» Центральной и Западной Европы // Вопросы ономастики. 2024. Т. 21. № 3. С. 70–92.
- Хохлова 2025 – *Хохлова А.В.* Топика охоты во французском и немецком эпосе и романе XII–XIII вв.: дис. ... канд. филол. наук / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 2025. 216 с.

- Goltz 2008 – *Goltz A.* Der nackte Theoderich. Ein Verfolger auf dem Weg in die Verdammnis // “Und sie erkannten, dass sie nackt waren”. Nacktheit im Mittelalter / Hrsg. von S. Bießenecker. Bamberg, 2008. S. 387–412. (Bamberger interdisziplinäre Mittelalterstudien; 1)
- Heinzle 1999 – *Heinzle J.* Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik. Berlin; N.Y.: De Gruyter, 1999. XI, 221 S. (De Gruyter Studienbuch)
- Kamber 1967 – *Kamber G.* Antitesi e sintesi in «Nastagio degli Onesti» // *Italica*. 1967. Vol. 44. No. 1. P. 61–68.
- Millet 2008 – *Millet V.* Germanische Heldendichtung im Mittelalter: Eine Einführung. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. 503 S. (De Gruyter Studienbuch)
- Olson 2014 – *Olson K.M.* Courtesy lost: Dante, Boccaccio, and the literature of history. Toronto: University of Toronto Press, 2014. X, 248 p. (Toronto Italian Studies)
- Wisniewski 1986 – *Wisniewski R.* Mittelalterliche Dietrichdichtung. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1986. 281 S. (Sammlung Metzler: Realien zur Literatur; Bd. 205).
- Wright 2008 – *Wright E.A.* Manuscript meanings and genres in *Adenet le Roi's Berte* as grans pies: compilation and reception. PhD Dissertation. New York University, 2008. 262 p.

References

- Goltz, A. (2008), “Der nackte Theoderich. Ein Verfolger auf dem Weg in die Verdammnis”, in Bießenecker, S., ed., “*Und sie erkannten, dass sie nackt waren*”. *Nacktheit im Mittelalter*, Bamberg, Germany, pp. 387–412. (*Bamberger interdisziplinäre Mittelalterstudien*; 1)
- Hagen, F.H. (1855–1872), *Wilkina- und Niflunga-saga oder Dietrich von Bern und die Nibelungen*. 2.B. Max&Komp Verlag, Breslau, Germany.
- Heinzle, J. (1999), *Einführung in die mittelhochdeutsche Dietrichepik*. Walter de Gruyter, Berlin, Germany, New York, USA. (*De Gruyter Studienbuch*)
- Kamber, G. (1967), “Antitesi e sintesi in ‘Nastagio degli Onesti’”, *Italica*, vol. 44, no. 1, pp. 61–68.
- Khokhlova, A.V. (2025), *Topika okhoty vo frantsuzskom i nemetskom epose i romane XII–XIII vv.* [The topics of hunting in French and German epics and romances of the 12th–13th centuries], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Millet, V. (2008), *Germanische Heldendichtung im Mittelalter: Eine Einführung*, Walter de Gruyter, Berlin, Germany. (*De Gruyter Studienbuch*)
- Neklyudov, Yu.S. (2024), “Essay on comparative demononymy: The ‘Wild People’ of Central and Western Europe”, *Voprosy onomastiki*, vol. 21, no. 3, pp. 70–92.
- Olson, K.M. (2014), *Courtesy lost: Dante, Boccaccio, and the literature of history*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Wisniewski, R. (1986), *Mittelalterliche Dietrichdichtung*. J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, Stuttgart, Germany. (*Sammlung Metzler: Realien zur Literatur*; Bd. 205)

- Wright, E.A. (2008), *Manuscript meanings and genres in “Adenet le Roi’s Berte” as grans pïes: compilation and reception*, Ph.D Thesis, New York University, New York, USA.
- Zubareva, E.Yu. (2016), “ ‘The Furious Army’ (‘Das wütende Heer’) or ‘The Wild Hunt’ (‘Die wilde Jagd’) in the structure of traditional mythological representations of the Germanic peoples”, *Stephanos*, vol. 17, no. 3, pp. 99–118.

Информация об авторе

Алёна В. Хохлова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; al.v.hohlova@gmail.com

Information about the author

Alyona V. Khokhlova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; al.v.hohlova@gmail.com